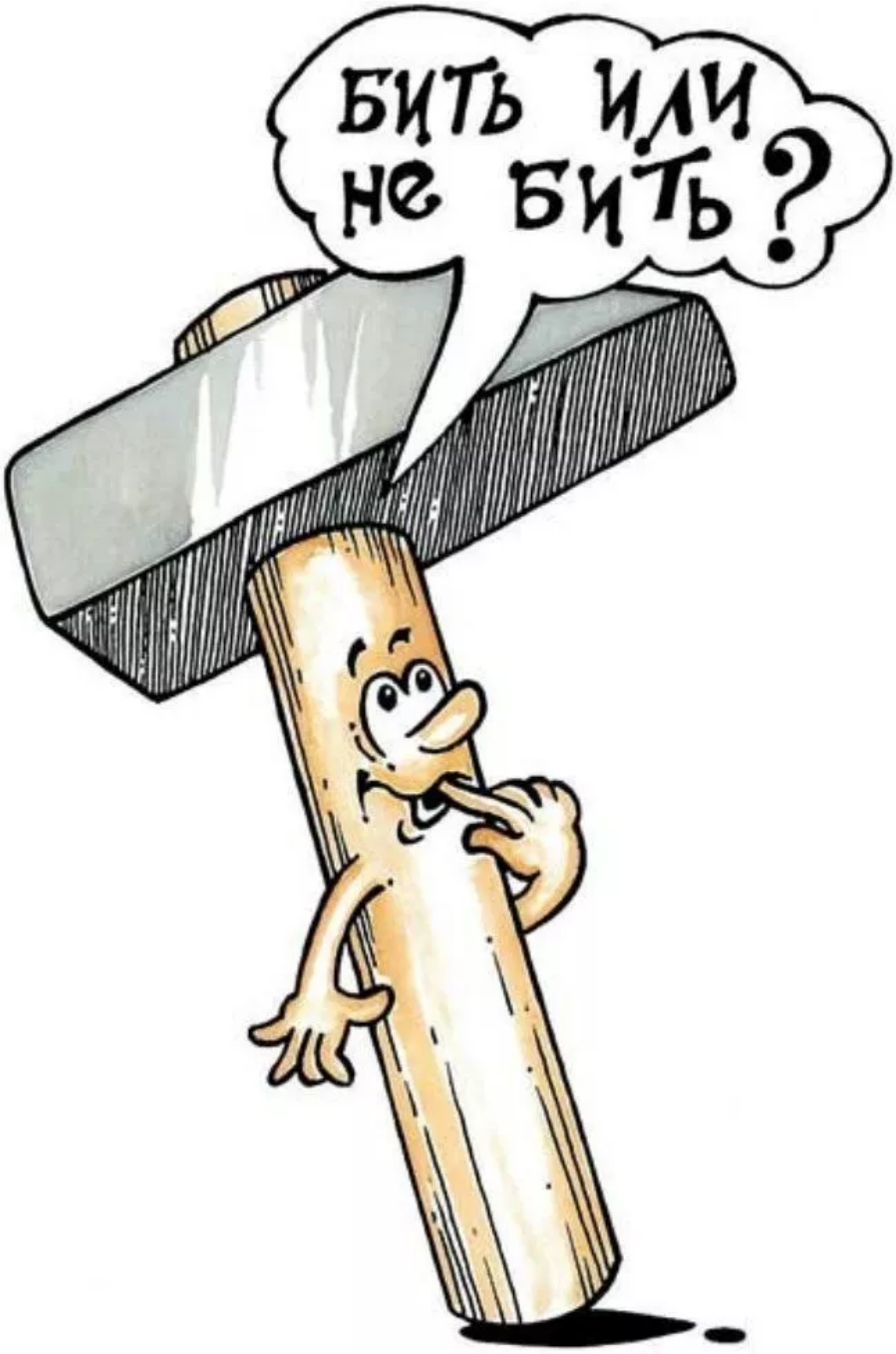

Fishki.net

Издержки воспитания

Жанр произведения: Другое

Произведение написал автор BookBox Виктор Лукьяненко

Ссылка на публикацию

Не воспитывайте детей. Все равно, они будут похожи на вас. Воспитывайте себя.

Английская пословица.

Жить с отчимом, который тебя любит, и которого любишь ты очень многое значит в жизни ребенка. Когда отчим не делит детей на своих и чужих, это дорогого стоит. Я любил своего отчима, и всегда называл его папой. Хотя фамилии у нас так и остались разными, наша любовь от этого не уменьшилась, а с годами только крепла. В воспитании детей, отец оставался «пряником», он нас баловал, но, чтобы дети не выросли настоящими разбойниками, в семье был «кнут» - наша мама. Мама нас тоже очень любила, поэтому била, как раз под стать высказыванию, «бьет, значит любит». В основном доставалось мне, так как я был старшим, а может быть еще и потому, что у младших было больше защитников. Я всегда был очень жалостливым, поэтому, если видел, что сейчас достанется младшей сестре или брату, то как советский комиссар, делал шаг вперед со словами: «Не бейте ее! Меня бейте!». Не скажу, что всегда это срабатывало, но иногда, к моим словам прислушивались. В таких случаях под горячую руку попадали все и я, и брат, и сестра. Но меня не били просто так, в основном это было «за дело», не всегда, но в основном. Телесные наказания всегда переносились гораздо легче, чем моральные. Боль, если и была сиюминутной, то быстро проходила, а обида компенсировалась любовью и вниманием.

Но в ремне, есть свои преимущества перед объяснениями и воспитательными беседами. Процесс занимает гораздо меньше времени. Разрядку получают одновременно две стороны. Примирение происходит намного быстрее. И с этим трудно поспорить. После того, как твоя спина или попка покрывается красными рубцами-пиявками, а тебе больно и обидно, ты плачешь, мама начинает плакать вместе с тобой, она целует тебя и обнимает, потому что знает, что ты для нее самое большое сокровище. Знает она и то, что сорвалась на тебе вовсе не из-за твоего мелкого проступка, что причина другая, но о ней не говорят вслух, тем более со своими детьми. Так устроен этот мир. И так будет всегда.

Такие «уроки жизни» быстро забываются, но при этом откладываются на рефлекторном уровне. Это как игра с горячим утюгом, все знают, что к нему

лучше не прикасаться, но по факту нет, нет, да и да.

Совсем иначе воспринимается процесс эмоционального воспитания, который основан на унижении и стыде. Научными терминами это звучит сухо и безлико, и вроде бы не вызывает никаких опасений, но это не так. Обида после такого наказания сохраняется гораздо дольше и в добавок, ты не всегда понимаешь, простили тебя на самом деле или нет.

Чтобы не ходить вокруг да около, я приведу пример. Когда мне было 5 лет, за очередной проступок, меня поставили в угол. Что конкретно я сделал уже не помню, но, видимо, телесного наказания это не заслуживало, а еще, по мнению воспитателей, стояние в углу даст время для размышления и осознания. Тут нужно добавить еще несколько важных деталей. Первое – проступок не претендовал на «абсолютное зло», поэтому стоять в углу предстояло не на коленях, и не на гречневой крупе. Второе – для более полного осознания своей вины стоять надо было в ближайшем углу от входной двери и без трусов. Таким образом «воспитатели» убивали двух зайцев: наказуемый находился на виду всех вошедших гостей, а «голый зад» добавлял чувство стыда перед чужими людьми. Я точно знаю, что в такой ситуации спасти может только бабушка, но на тот момент мои бабушки находились далеко. Была надежда на отца, но он тоже оказался бессилен, видать тяжесть моего проступка была очень велика. Все, что он смог сделать, это дать мне длинную байковую рубашку, которая хорошо прикрывала мое мальчишеское достоинство. За время моего «противостояния» в дом зашло только два человека, сосед дядя Толя, и дедушка Володя. И тот и другой пытались как-то облегчить мою участь, но мама была непреклонной. Все, что они могли это проявить свою солидарность подмигиванием и сжатыми кулаками; мол, держись, парень, не сдавайся.

Наверное, все помнят сцену из фильмов, когда отец замахивается на своего сына, тот перехватывает его руку, их взгляды встречаются и после этого взаимоотношения переходят на другой уровень. Это в кино, в реальной жизни все по-другому.

Когда тебе 12 лет, у тебя большая семья, к тому же когда ты живешь в деревне, у тебя есть множество обязанностей. Кроме первостепенных, таких как: учеба, чистка зубов, и заправка постели, были и другие: косить траву кроликам, ухаживать за младшим братом, тереть тыкву домашним животным, собирать дрова для летней печки, и т.д., и т.п. Грамотный подход, и тонкий расчет позволял извлекать из этих обязанностей много пользы или даже выгоды: так, например, помощь в покосе травы в некоторых случаях позволяла выпросить у отца мотоцикл для того, чтобы поехать подальше, где трава сочнее и вкуснее. Конечно и травы надо было косить больше, но езда на мотоцикле затмевала

любой труд. Или по-другому: отправили тебя на пилораму за дровами для летней печки. По пути ты заходишь в тракторную бригаду, где тебя уже ждут все соседские пацаны, а значит есть возможность сыграть пару партий в «войнушку», а потом продолжить свой путь. Для городских читателей сделаю оступление. Чтобы домашняя живность была благодарной: курочки лучше неслись, коровка давала больше молочка, хрюшки были жирнее, а утки имели больше пуха под своими перышками, кормить их надо вареной пищей. В нашей семье это не обсуждалось. Варилась эта пища в большой выварке (оцинкованном баке с крышкой). Зимой она устанавливалась на газовую плиту, в нее закладывалась картошка и свекла, и варилась до готовности, потом это варево переносилось в сарай, и там заталкивалось, затаптывалось, перемешивалось с комбикормом, и после этого поступало к столу домашней живности. Летом этот процесс происходил на улице. Во дворе устанавливалась печка-буржуйка, которая изготавливалась из старой трубы. На нее устанавливалась выварка. Костер горел, еда варилась. Копоть на кастрюле никого не беспокоила, так как это считалось издержками производства. В общем, теперь вы понимаете, зачем в теплое время года ходить на пилораму за дровами. В тот раз я решил сделать «ход конем», набрать побольше больше длинных палок. Как показала практика, их легче переносить, а в конечном итоге, после рубки дров выходило даже больше. Обычно мешок с дровами бросали возле печки, где всегда находился топор и чурбак (массивная колода для колки дров). Придя домой, я буквально пятнадцать метров не донес дрова до печки, а бросил во дворе под яблоней.

- Вроде бы они никому не мешают. Когда придет время разводить костер, тогда и перенесу.

Так я, наверное, думал тогда. Стоял сентябрь. Школа уже началась, но еще не вступила в свою активную фазу. Каждый день было только пару сокращенных уроков, а потом мы все уходили на уборку урожая, в сад или в поля. Школа помогала колхозу в уборке урожая, а колхоз помогал школе в формировании запасов на зиму. К часу дня все уже были дома, и как говорится, «свобода», ведь на завтра «ничего не задавали». Можно было рвануть в лес за опятами, но было еще рано, в лесу было сухо, и сезон грибов еще не наступил. Оставалось пойти погонять мяч на стадионе, а если точнее пойти в центр, а там уж как пойдет. Обычно, мы всегда находили себе интересное занятие, и это только среди разрешенных опций. Но, было одно обременение. Какое? Самое ценное – младший брат Мишка. Ему тогда было полтора года. Мне двенадцать, а сестре Зине семь. Конечно, мне очень хотелось делегировать полномочия по уходу за братом младшей сестренке, но она начала раскисать на глазах, жаловаться, что и так никогда не гуляет, а тут вот один разочек «повезло», и я мол хочу повесить на нее младшего брата. Конечно, я был зол. Подумаешь, занятие,

резать ножичком стебли калачиков и лопухов, бросать их в игрушечную кастрюльку, и варить так называемый борщ. Смех, а не занятие. В общем, сначала я сказал Зине все, что о ней думаю, а потом добавил, что ушел с братом в центр, гулять. Конечно, можно было предупредить маму, но не факт, что она бы меня отпустила. А тут, сестру предупредил, местоположение свое обозначил, а значит все сделал правильно. Отца дома не было, он находился на очередном дежурстве на газовом промысле. Посадив младшего братика на плечи, чтобы ускорить процесс, мы двинулись к месту встречи друзей, то есть в центр села, где находились все нужные нам локации: парк, клуб, магазин, стадион, «бузок» (заросли сирени, которые были одним из любимых мест нашего отдыха, ведь они могли скрыть много тайн). Мишка рано начал ходить и разговаривать. Когда у тебя такой воспитатель, то по-другому и быть не может. В свои год с небольшим он мог членораздельно сказать чего хочет, ел он любую человеческую еду, поэтому никогда не был обузой. Нужно просто дать ему пачку печенья, игрушку, усадить на скамейку, обозначить границы, и на некоторое время забыть о его существовании, только периодически осуществлять визуальный контроль. Погода действительно начала портится, ветер усилился, солнце затянуло грозовыми тучами. Дождь мог пойти в любую минуту. И вот на этом моменте нужно сделать акцент. Здесь очень важна точка зрения.

Если предположить, что в случае дождя, мы все как пчелы метнемся в улей, а ульем нам может послужить как магазин, так и сельский клуб, то ничего страшного не случится. Переждем дождь и пойдем домой. Так рассуждал я.

Но если дождь, с ураганным ветром, да еще и с градом настигнет нас в поле, то это очень страшно. Молнии смогут могут поразить беззащитного ребенка, а кусочки льда будут наносить маленькому тельцу непоправимые увечья. Так думала мама. Интересно, а не думала она, что старший сын, своим упитанным телом накроет младшего брата, защитит его чтобы не случилось. Но получилось так, как получилось. Ветер кружил опавшей листвой, поднимая в небо пыльные мини-смерчи, откуда-то издалека доносились раскаты грома. Первые, большие капли дождя упали на сухой асфальт. От удара о землю капли разлетались на множество брызг, ударной волной поднимали небольшое пыльное облачко и оставляя после себя мокрое пятнышко. Мы наблюдали за этим явлением природы стоя под старой ивой, которая росла рядом с порогом сельского клуба и была нашим надежным укрытием. Вообще, наблюдение за дождем было одним из моих любимых детских занятий. Когда идет дождь, сразу появляется множество занятий и затей. Можно просто ловить капли дождя ртом, можно соревноваться в сборе дождевой воды, можно устраивать турнир, кто первым промокнет насквозь. Особенно приятно наблюдать за летним ливнем, который застал тебя далеко от дома. Под теплым дождем можно бегать босиком,

купаться под его струями, смотреть как он мочит землю, траву, как вода скапливается в лужи, затем в маленькие ручейки, а потом в бурные потки грязной воды, которые несут за собой ветки, камни и даже целые деревья. Наблюдая за дождем, мы всегда могли определить, как долго продлиться дождь: если капли дождя образовывали на поверхности большое количество пузырьков, то дождь будет затяжной, а если нет, то очень скоро закончится. Обычно летний ливень заканчивался быстро, а после него природа как будто выдыхала, она смывала с себя всю грязь, пыль, и на какое-то мгновенье превращалась в целомудренную и первозданную. Земля парила, она отдыхала. Капельки влаги, оставшиеся на стеблях травы превращались в росу, начинали петь птицы, оживали насекомые. В такие моменты любимым занятием было брести по обочине дороги, и босыми ногами наступать на иловые массы, возникшие от нанесенной водой пыли и грязи. Эта грязь, теплой массой, растекалась под твоими подошвами, просачивалась между пальцами, и это было здорово. Конечно, был вариант напороться на осколок стекла, но об этом некогда было думать. Такие моменты сродни цветению ландышей, они раз пропустил, и потерял целый год.

Сегодня дождь был из тех о которых говорят, только пыль прибил. Поэтому, мы не стали уходить далеко от клуба, а остались гулять в парке, где земля под кронами больших лип и рябин даже не успела умыться. Но мама так не думала. Я не уверен, что было именно так, но хронологию событий представлял именно так:

В какой-то момент мама вышла из дома на улицу, увидела, что что погода портится, и вот-вот пойдет дождь, она позвала детей:

- Дети! Домой!

Через какое-то мгновенье на пороге дома появилась Зина. Она закончила «варить свой борщ», и с чувством выполненного долга пришла домой.

- А где, хлопцы? – спросила мама.

- Я не знаю, - ответила Зина, как истинная блондинка, и это был лучший из вариантов ответа.

Было бы гораздо хуже, если бы она сказала, что я с младшим братом пошел в лес или на речку. Думаю, что, если бы Зина сказала слово в слово так, как сказал ей я ничего бы не изменилось. Мать всегда знает где находится ее сын. Так и было.

- Скорее всего он с одноклассниками, гуляет в центре. Надо пойти и забрать Мишку, а Виктору дать леща. Идти пешком - не вариант, погода плохая, в любой момент может пойти дождь. На велосипеде ехать тоже нельзя, на нем нет специального детского кресла, поэтому ребенка на нем не увезешь. Не мотоцикле я ездить не умею. Остается надежда на соседа, дядю Колю. Если он сейчас дома, то все в порядке, а если нет, то все-таки придется идти пешком. Завершением этого мыслительного процесса был посыл в сторону своего старшего сына, который по аналогии с любимым мультиком звучал как: «Ну, Виктор, погоди!». Дядя Коля был дома.

С стороны это выглядело очень забавно: к клубу подъезжает зеленый мотоцикл «Урал» с коляской. За рулем сидит его владелец, сосед, дядя Коля Герасименко. Он всегда ездил за рулем в шлеме, но шлем у него был совсем не «модный», а точно такой как у Бывалого из кинофильма «Кавказская пленница». Дядя Коля очень был похож на этого героя, особенно в этом шлеме. В коляске сидит мама, не дяди Коли, а моя мама. Хотя, если бы там сидела баба Герасимечиха, то это было бы не менее интересно. Мама была в спортивном костюме, и косынке, так сказать уже готова к соревнованиям. Это я понял по огромному кленовому пруту у нее в руках. Он был уже подготовлен предстоящей «игре в догонялки», и торчал из коляски, напоминая антенну на милицейском мотоцикле. Мотоцикл подкатил к самому порогу клуба, так сказать в самую гущу событий. Может кто-то не понимал, что будет дальше, но только не я. За пару секунд до того, как техническое средство остановилось, я шепнул Мишке на ухо:

- Ну все, братик, иди к маме, она приехала за тобой.

За оставшееся до остановки время я успел сделать несколько шагов назад, тем самым обеспечив себе не сколько безопасное расстояние, сколько фору в предстоящем забеге, ну и дополнительные варианты отхода. Просто я хорошо знал свою маму. Как только мотоцикл остановился, мама Наташа, словно черт из табакерки пружинящим движением выскочила из мотоциклетной коляски, и со словами:

- Иди сюда паразит, - двинулась ко мне.

Может быть это в джунглях, где царят свои законы, питон имел власть перед бандерлогами, и в буквальном смысле гипнотизировал их своим взглядом, движеньями и речами. У нас в деревне такое не прокатывало. Мы всегда жили по принципу: «Мы не из тех, кто убегает, мы из тех, кого не догонишь!». Инстинкт самосохранения прежде всего. Не забывайте, что дело происходило на глазах у десятка моих товарищей, и к тому же, я точно не чувствовал за собой никакой вины. Тактика моя сработала. Я слышал свист настигающего мою спину

прута, и уже мысленно приготовился ощутить обжигающую боль, но «орудие пыток» прошло в нескольких сантиметрах. Ко второму удару мама была не готова, и я смог оторваться на безопасное расстояние.

С одной стороны, все разрешилось, блудный сын нашел свою маму, виновнику был преподнесен небольшой урок. На этом можно бы и завершить эту историю, но тут свою роль сыграла борьба противоположностей. Что-то осталось недосказанным, и гештальт не закрылся. Мне было до слез обидно, за то, что мене практически ни за что хотели избить, опозорили перед друзьями, нанесли так сказать «душевную трамву», к тому же дождь в тот день так и не пошел. Мама тоже в полной мере не донесла до меня науку воспитания. Она была практически уверенна, что я не усвоил урок, а значит «она не довела дело до логического завершения». Этого я не учел.

После устроенных мамой соревнований наши игры сошли на нет, и мы начали расходится по домам. Мне не очень хотелось идти домой. Сначала думал пойти к бабушке с дедушкой, но в тоже время понимал, что тем самым «подолью масла в огонь». Без настроения, я побрел домой и остановился на своей «фазенде». Это было мое личное пространство, фактически своя собственная комната, только, если у других такая комната находилась внутри дома, то у меня она была снаружи. Это был порог с обратной стороны дома, который служил запасным выходом. На этот порог выходила одна из дверей, но она всегда была закрыта. Поскольку этот порог не использовался для каких-нибудь хозяйских целей я решил обустроить ее под свои личные нужды. Первым делом я поставил кровать. Мама выдала старый матрас и дежурное постельное белье и покрывало. Рядом с кроватью я поставил тумбочку. Вместе с папой, куском плоского шифера, мы отгородили наш порог от соседского. Таким же материалом зашили стенку со стороны перил. Забегая наперед, хочу сказать, что в последствии мы установили на этом пороге окно и дверь, превратив ее в настоящую комнату. Я выкрасил кафельную стену дома белой краской и мог свободно развешивать на ней любые плакаты и постеры. Но это был позже. На момент описываемых событий, кроме кровати, тумбочки, и шиферных стен ничего не было. К моменту моего прихода, отец был уже дома и игрался с детьми. Я уселся на кровать своей фазенды и начал думать о «тяжелой судьбе подростка в современном обществе». Мимо меня, с алюминиевой миской и ожерельем из прищепок прошла мама. Ветер усиливался, и мама вышла снять висящее на веревках постиранное белье. Она зло взглянула на меня и сказала:

- Иди в дом.

- Не пойду, - ответил я, по-прежнему строя из себя незаконно обиженку.

Я спокойно наблюдал за мамой привалившись к стене. Стена была теплой. Днем она нагревалась на солнце, а вечером медленно остывала, отдавая тепло. Мама действовала очень быстро и за какое-то мгновенье веревки, словно только-что натянутые струны остались наедине с маэстро-ветром, а мама с миской полной белья направилась обратно в дом. Ее путь пролегал как раз между моей фазендой и яблонькой, рядом с которой я бросил мешок с деревяшками. Все, что было дальше можно воспевать как «Оду охотнику», то есть не мне. Было ли это спонтанно или этот план созревал у нее пока она снимала стирку, но произошло все молниеносно. Охотник не оставил жертве никаких шансов. Проходя мимо меня в направлении дома, мама с кошачьей грациозностью и быстротой ястреба поставила на землю миску, словно самурай, в совершенстве владеющий искусством Иайдо, выхватила из мешка самую толстую деревяшку и со словами:

- Ты долго будешь мне нервы треплить! – ринулась в атаку.

Отступать было некуда, позади стена, поэтому все что я успел это повернуться к маме спиной и сделал это не зря. Через мгновение деревяшка со всего размаха опустилась на мою спину и с реском переломилась. Прежде, чем я сообразил, что происходит, мама подняла с пола ту часть преломившейся палки, что была подлиннее и повторно приложилась к моей спине. И эта деревяшка тоже переломилась. После чего, мама забрала миску с одеждой и ушла в дом. Осознание случившегося пришло ко мне только через несколько минут. Я негодовал. Я был в бешенстве. Внутри меня все кипело. Мысли переплетались, они множились и по очереди всплывали на поверхность сознания. Хотелось уйти из дома, и никогда не возвращаться, найти другую семью, войти в дом и все высказать прямо в лицо, была мысль даже сменить фамилию. Позже эта мысль меня просто рассмешила, ведь у нас и так были разные фамилии. Через какое-то время я успокоился и уже разрабатывал варианты сегодняшнего ночлега, так как был твердо настроен не заходить в дом пока не получу извинений. Все разрешилось благодаря папе. Полагаю, что версию мамы он выслушал, потом сделал какие-то выводы и пошел на переговоры со мной. Его слова звучали рассудительно и убедительно. Он разговаривал со мной на равных, не предлагая никаких компромиссов, не угрожая, не выдвигая никаких требований и условий. Это был мужской разговор, который основывался на том, что женщины, гораздо слабее мужчин, что они много работают, они устают, переживают за всех, тащат на себе все хозяйство, и мы, как сильная половина просто не имеем право на них обижаться за их мимолетные срывы. И я с ним согласился. Я все понял и вернулся в дом, в свою семью. На этом инцидент был исчерпан.

После этого случая, мама больше никогда меня не била. Это был «последний бой». А еще, благодаря этому случаю, я усвоил два важных правила:

1. Если у тебя нет путей к отступлению, не надо строить из себя героя.

2. Нужно всегда оставлять вещи на своих местах.